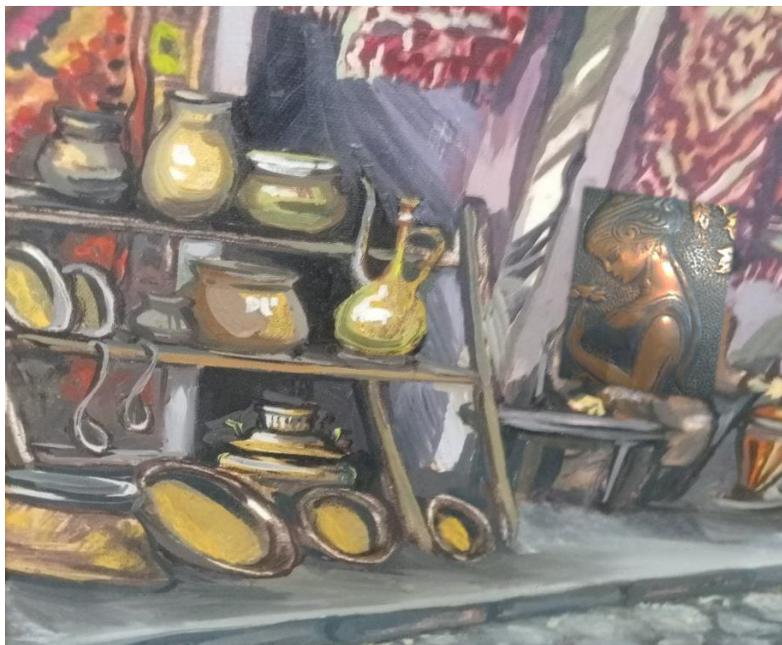

Гемриил Рахмилов

Рахамим

Глава 1.10. Возвращение Азарьи

В 1910 году, отмотав десятилетний срок за изнасилование, содеянное группой и с причинением вреда здоровью средней тяжести, домой в Маджалис вернулся тридцатитрехлетний Азарья.

Зайдя в дом, непутевый упал на колени перед мигмом прослезившейся и запрычитавшей от счастья матерью.

— Прости меня! Прости, мама!

Обняв свое дитя, глядя по его строптивой голове, истосковавшаяся по младшему сыну Динор то и дело произносила:

— Мой золотой мальчик! Мой родной! Все позади. Теперь я тебя никуда не отпущу.

К вечеру во дворе дома бабушки Динор собрались мужчины со всего Тубенаула. Здесь же был накрыт стол, кипел самовар. Кроме чая, на скатерти иногда появлялась доставаемая Азарьей из-под стола четвертная бутылка самогонки. Бабушка была против питья спиртного, а потому для соблюдения некоторого уважения к хозяйке дома, зеленая чашка находилась под столом. Тут сидели в основном сверстники Азарьи, но было и несколько пожилых людей, зашедших отдать почести и поздравить бабушку Динор.

Вечером вернулся из мастерской Рахамим. Поздоровавшись с новоявленным родственником, он перекинулся с ним несколькими фразами за общим столом и выпил поднятый одним из приятелей Азарьи тост за возвращение того с

Божьей помощью домой. Затем к столу подошел двухлетний малыш Шомоил и, увидев знакомое лицо отца, бросился ему на шею. Рахамим приобнял ребенка, приподнял на плечи и, встав из-за стола, удалился.

Когда приехали Манашир с Цилей из Дербента со своим первенцем, маленьким Пинхасом, празднование продолжалось уже третий день. Встреча двух братьев была очень теплой. Тем не менее по настоянию старшего веселье закончилось через несколько часов после его приезда.

Манашир уже многие годы мечтал вернуться в Санкт-Петербург. Дальнейшее промедление грозило полным крахом его вынужденно приостановившейся научной карьеры. Возвращение Азарьи домой послужило поводом для последнего отъезда его старшего брата. Теперь Манашир скрепя сердце счел возможным ехать, оставив мать на попечение младшего брата, зятя и племянницы. Циля, конечно же, поддерживала его в этом — тягу к родному дому и близким ничто не может отменить. Пообщавшись с матерью и получив ее благословение, через месяц после возвращения Азарьи Манашир с Цилей и маленьким Пинхасом уехали.

Азарья был сухопарым улыбчивым брюнетом ростом выше среднего с темно-кариими глазами. Отсутствие части зуба-резца на верхней челюсти придавало ему вид своего парня. Разговорчивостью он не отличался, но с удовольствием предавался смеху, когда другие вспоминали что-нибудь веселое из прежней жизни либо рассказывали анекдот.

Следующие несколько месяцев освобожденный искал себе применения в Маджалисе, однако сложность и длительность зарабатывания денег и их быстрое исчезновение его очень угнетало. Не устраивала его и работа у Рахамима

в мастерской, к которой он присматривался или, можно сказать, пристукивался какое-то время. Здесь требовались концентрация и самоотдача. Несмотря на то что зять еще до реализации продукции авансировал его, Азарья не чувствовал себя комфортно.

Динор, со своей стороны, настаивала на женитьбе. Но на ком? Кому-то не нравилось прошлое ее сына, другие не видели в нем добытчика для семьи, тем более вел он себя в селе несообразно своему возрасту: то присвистнет с утеса на группу столпившихся у родника красоток, то выплывет прямо из-под воды у каменного мостка, где женщины в белых рубашках купаются и стирают многочисленное белье.

С детства у Азарьи было умение, удерживая воздух в легких, подолгу находиться под водой. Это помогало ему ловить рыбу в реке руками. В маловодье некоторые ее участки обкладывали осколками горных пород, и рыба, пытаясь ускользнуть, утыкалась в каменные тиски. Азарья перед ребятами демонстративно медленно опускал голову в мутную воду и через несколько мгновений высовывался, скидывая над водой руки с огромной рыбиной.

Все попытки бабушки Динор засватать Азарье невинную юную невесту оканчивались неудачей. Намекали на такую возможность лишь семьи с давно уже перезревшими девушками, с женщинами-вдовами или девушками с сомнительной репутацией. Азарья же желал засватать только юную девственницу. Альтернативой, которую он обозначил матери, была его знакомая в Петровске. Эта женщина работала там в типографии и, по утверждению Азарьи, очень любила его. Динор приняла бы такую женщину, если та дей-

ствительно любила его сына, но та была не только не еврейка — она была армянка. К тому же отец девушки, владелец мастерской по мелкому ремонту, по всей видимости, тоже отрицательно относился к увлечению своей дочери.

Приблизительно раз в две недели Азарья с утра уезжал в Петровск и возвращался только к следующему вечеру. В одну из летних ночей отец избранницы Азарьи обнаружил ее отсутствие в доме. Захватив имевшееся в доме ружье, он вышел на поиски дочери. Обнаружив за деревьями в небольшой аллеючке недалеко от дома движение, а затем и двоих увивавшихся в любовных объятьях молодых людей, он окрикнул:

— Карина?!

От общей бесформенной массы из-за деревьев отделилась девушка в легком халатике с оголенной грудью и мигом побежала в сторону своего дома, обегая разъяренного отца.

— Ах ты проститутка! — крикнул он, пытаясь шлепнуть стопой по заднице убегающей дочери.

В ту же минуту он направил ружье в сторону аллеи. Кто-то дернулся за деревьями, но затем замер, очевидно, чего-то ожидая.

— Эй, ты, а ну-ка стой! — отец девушки подошел поближе. — А ну-ка выходи оттуда!

Немного погодя из зарослей вышел взрослый мужчина. Подтягивая пояс, он издевательски медленно поправлял смявшуюся черкеску.

— Ах ты наглец! Сукин сын! Жидовская морда! Живым не уйдешь, — человек с ружьем быстро прицелился и выстрелил.

В последний момент перед выстрелом Азарья кинулся на мужчину и сбил его с ног, далее резко встал и бросился наутек. Вслед ему прозвучали еще один выстрел, проклятья неудавшегося стрелка и лай встревоженных собак. Нырнув в переулок, Азарья нарвался на полицейского. Последний, ухватившись всем телом, пытался завалить его на землю. Все же Азарья вырвался и бежал. К лаю собак присоединился еще и свисток преследовавшего мужчину полицейского. В восточной части города у Азарьи был товарищ, который работал на лесопилке и жил в худой хибарке. У него беглец и спрятался.

Переждав ночь, отчаянный любовник на рассвете выбрался из города и направился в сторону Маджалиса. Больше он не видел ни свою Карину, ни ее отца. Через полтора месяца от единственной подруги Карины, проживавшей с ней по соседству, он узнал, что отец срочно выдал ее замуж за состоятельного вдовца, портного из Дербента.

Отработав несколько месяцев на сезонных рыбных промыслах и несколько успокоившись, Азарья решил взяться за ум. Заработав каким-то образом сто пятьдесят рублей, он вернулся домой с прекрасным, как ему казалось, планом.

Сначала он решил заручиться поддержкой своих племянницы Динары и матери Динор. Он попросил их поговорить с Рахамимом, чтобы тот взял его в деловые партнеры. Лишь чувствуя себя хозяином дела, якобы он может успешно работать, а так — батраком — он быть не собирается. Впрочем, ни племянница, ни мать не могли понять, каким образом этот приведенный Азарьей аргумент может побудить Рахамима к решению о партнерстве с ним, настолько дерзок и щеделушен был план близкого им человека. Тем не

менее подходящий, с точки зрения Азарьи, довод вскоре нашелся.

Как-то мать, по недомыслию и немного похваляясь, рассказала Азарье, с какой суммы Рахамим начал дело. Что к имеющимся у молодой пары 150 рублям они с Манаширом добавили почти пятьсот. Также она сообщила о помощи с производственной площадкой, которую оказал Рахамиму местный купец Зоволу.

Эта информация, сразу проникшая в сознание Азарьи, и зависть от хорошо идущих дел в семье племянницы, побудили его, ранее работавшего на Рахамима как на хозяина, подойти к разговору с ним совсем с иной позиции. Динара предупредила мужа, что Азарья желает стать его партнером, а бабушка Динор попросила зятя об уступке в возможно предстоящем его разговоре с сыном. Рахамим и сам в принципе не против был отдать Азарье процентов десять в случае его ответственного отношения к делу, хотя и не видел в мужчине ни желания работать, ни какого-либо умения, полезного в медном ремесле. Молодой мастер предпочел бы вообще не связываться с ним.

Войдя в мастерскую, Азарья обнаружил Рахамима, спаивающего горелкой боковую поверхность заготовки кувшина к её круглому основанию. Один из подмастерьев, юноша на вид семнадцати лет, помогал ему, периодически укрепляя части изделия в разных положениях на специальной станине. Второй подмастерье, парень лет пятнадцати, расположившись в углу мастерской, занимался лужением заготовки большой кружки для питья воды. Заметив вошедшего, Рахамим отложил горелку, вытер руки тряпочкой и присел на лавочку у небольшого столика, служившего для

производства расчетов, вычислений на бумаге, приема пищи, а также, как оказалось, проведения переговоров.

— Рахамим, ты же мне брат, так или нет? — начал разговор более взрослый из мужчин, протянув руку через столик и положив ее на плечо молодого мастера.

— Брат, если ты так считаешь, — спокойно ответил Рахамим, пытаясь реагировать без неприятия.

— А если так, дорогой мой брат Рахамим, помоги мне подняться — отдай мне половину своего дела, — хамовато произнес переговорщик.

Рахамим, не веря своим ушам, внимательно всмотрелся в глаза Азарьи, после чего с плохо скрываемым раздражением отвел его руку со своего плеча и встал.

— С чего это я должен тебе что-то отдавать, Азарья? Ты не приложил к этому никакого участия, кроме как испортил несколько заготовок.

— Не спеши, брат, — продолжил Азарья, встав, плотно приблизившись к Рахамиму и хищно уставившись ему в глаза. — Люди склонны забывать ту помощь, которую им оказали. — Затем он, возложив уже обе руки на плечи Рахамиму, прямо спросил: — Ответь мне, пожалуйста, помощь моей матери, брата и других людей была ли значимой для тебя или она была несущественной?

— Да. Они мне серьезно помогли.

— Серьезно помогли! Так. И ты мне серьезно помоги. Или ты всем прощаешь свои долги? И к тому же, деньги-то все равно останутся в семье.

— Чего ты хочешь? — спросил Рахамим.

— Полного партнерства.

— Ну и как ты это видишь, Азарья?!

— Да очень просто — все пополам: деньги пополам, товары пополам, работать тоже будем поровну.

После некоторой паузы Рахамим спросил:

— Ты полагаешь, что сможешь отдалиться делу в той же мере, что и я? Ты же не учился этому шесть лет, как я.

— Не учился и что же? Ты мне все покажешь. Буду отвечать за продажи, доставку материалов, наем работников, мало ли еще за что...

— А если я откажу тебе, что будет?

— А ты мне не откажешь... Вспомни, сколько своих денег ты вложил в это дело?

— Шестьсот пятьдесят рублей.

— Нет, *халефлей ме*¹, сто пятьдесят рублей. В остальных средствах тебе помогли, в том числе мои мать и брат. — Азарья деловито полез за пазуху своей выдавшей виды черкески и вынул оттуда кучу смятых кредитных билетов, которые небрежно бросил на стол. — Вот это моя доля, ровно сто пятьдесят рублей.

— Забери свои деньги, Азарья! Партнерства не будет. Это мое дело. И останется оно моим.

— Извини, деньги мы используем на дополнительное оборудование и материалы, возьмем еще одного помощника — нас теперь двое, стало быть, производить надо больше.

Рахамима несколько взбудоражили напор и хамство родственника. Сняв рабочую куртку и рукавицы и повесив

¹ Халефлей ме — мой мальчик, дословно — мой потомок (*перевод с джуури*).

их на специальные крючки, он вышел из мастерской, громко хлопнув дверью.

Прошло несколько дней, в течение которых Рахамим не появлялся в мастерской. У Азарьи с двумя подмастерьями ничего не ладилось. Поначалу он думал воспользоваться опытом последних в изготовлении несложных изделий — в основном кухонных принадлежностей, однако необходимо было выполнять и поступающие заказы посложнее.

Дома на ужине мужчины сидели, стараясь избегать каких-либо разговоров. Впрочем, долго это не могло продолжаться, и непонятно, как далеко могло зайти. Были обязательства перед односельчанами, подходили сроки заказов, которые надо было выполнять. Иначе все дело, дело жизни Рахамима, могло вылететь в трубу.

Через две недели, понимая цену наступающих последствий и войдя в положение нахрапистого родственника, Рахамим озвучил свое окончательное условие:

— Я готов работать с тобой, как ты говоришь, по-братски, но из расчета один к двум — и вкладываемся так же, и получаем от вложений. Согласен?

— Ну ты и хитрец!.. — с нарочитым недовольством пробурчал Азарья и протянул руку для рукопожатия.

Сделка состоялась.

Глава 1.11. Неосторожное купание

В один из летних дней, ближе к вечеру, отдав распоряжение одному из подмастерьев, Азарья пошел купаться на реку, причем не на Катте, а к ближайшему берегу основного рукава реки Уллучай. Это было прекрасное живописное место, скрытое валунами своеобразной слоистой породы и растительностью. При этом здесь было достаточно глубоко и комфортно для купания, когда воды в целом на реке было мало.

Азарья осторожно спустился вдоль косогора по камням и рывинам до самой реки. Сюда же вдоль берега пролегал и другой практически пологий маршрут, ведущий с кумыкской части селения.

Вдоволь накупавшись, мужчина зашел под небольшую скальную терраску, расположенную в нескольких саженях прямо над водой, чтобы отжать свое промокшее при купании белье. Черета дикого кустарника, расположенного впереди этого уступа, едва прикрывала голое тело многострадального и уже в общем-то не совсем молодого человека.

Вдруг Азарье послышались девичьи голоса. Действительно, две девушки, поговору кумычки, предположительно сестры пятнадцати и тринадцати лет, приближались к месту его купания. Инстинктивно Азарья присел, чтобы его не было видно за кустами. Гоготушки остановились прямо напротив Азарьи и, оглядевшись по сторонам, скинули с себя всю одежду. Когда одна из девочек побежала к воде, вторая, младшая, сказала, что ей приспичило. Первая

рассмеялась и предложила сделать это в воде, вторая ответила, что она так не сможет, и направилась к той террасе, где прятался обескураженный красотой и белизной точеных девичьих тел Азарья.

— Салам алейкум! — только и мог произнести голый мужчина, когда его глаза встретились с глазами тринадцатилетней девушки.

Неспособная даже двинуться с места, она зашла от крика. К этому воплю добавился второй, не менее пронзительно-резкий, когда Азарья, выпрямившись, открыл обзор своего мужского великолепия для молоденькой купальщицы. Придя в себя и едва прихватив свое небольшое одеяние, девушки бросились наутек. Азарья надел бешмет на голое тело, обул чувяки и, прихватив еще остававшееся мокрым белье, также поспешил восвояси.

Когда мужчина вошел в дом, все уже было готово к ужину. Динор с маленьким Шомоилом расположились на одном из нимдеров, напротив них сидела Динара, покачивая одной рукой *гугфере*¹ с полугодовалой малышкой Сипро.

Завидев Азарью, Динор встала, принесла похлебку в чугунке, приготовленную на печи, сооруженной Рахамимом в специальной пристройке у дома, выложила на обеденную скатерть лепешки и сыр, поставила плошку с соленьями: зубчиками чеснока и острым перцем.

Азарья зашел в глубину дома и, переодевшись, вышел и присел к сидящим за обеденной скатертью женщинам. Ополоснув лицо и шею у умывальника и вытершись полотенцем, вошел Рахамим. Улыбнувшись спящей в гугфере

¹ Гугфере — деревянная колыбель, люлька (*перевод с джуури*).

дочке, он сел рядом со своей женой. Стужались сумерки, и Динара зажгла керосиновую лампу, поставив ее у обеденной скатерти.

— Мама, я возьму винца? — бодро спросил Азарья.

— Возьми, сынок, — ответила мать, — и Рахамиму налей стаканчик.

Азарья спустился в амбар. Через несколько минут он принес два стакана процеженного холодного красноватого вина. Передав стакан Рахамиму, он, прежде чем присесть на нимдер, выпил свой стакан залпом.

Некоторое время ели молча. Динара встала и увела Шо-моила спать.

Внезапно во дворе раздался шум. Затем резко открылась прикрытая изнутри дверь. Перед сидящими хозяевами дома стоял мужчина приблизительно того же возраста, что и Азарья, в ярости держась за кинжал.

— Азарья, выходи на двор, сукин сын! — крикнул незнакомец, глаза его сверкали двумя горящими угольками.

— Кто ты? — быстро вскочила Динор и встала между сыном и разъяренным гостем.

— Выходи, Азарья! Или ты прячешься, шакал, за юбкой своей матери?!

— Я не прячусь, Абдалла. Прикуси язык! — в свою очередь прикрикнул Азарья, вставая с нимдера и выступая вперед из-за спины Динор. Он подтянул расслабленный пояс и также взялся за кинжал.

— Что случилось?! Что случилось? — закрутилась Динор как кобра для нападения, не понимающая, в какой стороне противник.

Внезапно заплакал проснувшийся в гуфере ребенок.

— Послушайте, уважаемый, — неожиданно для Динор произнес вышедший вперед Рахамим, — давайте разберемся, прежде чем кинжалами махать. — Он вытолкнул грозного горца за узкий проем двери, вышел вслед за ним. — Послушайте, Абдалла, уверен: случилось какое-то недоразумение! — несколько примирительным, но твердым тоном промолвил Рахамим.

За спиной он слышал визгливую отповедь матери сыну, в которой та настаивала на немедленном его признании того, что натворил. Азарья пытался пояснить, что произошло, но Динор уже вышла из себя, предчувствуя неладное, и ее надо было прежде успокоить, чтобы она начала понимать, о чем идет речь.

Выслушивая оправдания Азарьи за дверью, ухватив за кисть руки горца, отчаянно рвущегося вырвать кинжал из ножен, и жестко глядя ему в глаза, Рахамим разъяснял:

— Говорю Вам, Абдалла, это недоразумение. Вы же слышите? Азарья ни пальцем не трогал ваших дочерей, ни словом не оскорбил их. Он просто выжимал свое белье в кустах после купания, когда неожиданно появились Ваши дети. Вы, наверно, в горячке и не спросили их, что реально произошло. — Абдалла несколько ослабил кисть руки. — Прошу Вас — вернитесь домой, расспросите. Если это не так и Азарья виновен, то Вы имеете полное право требовать ответа.

Лицо Абдаллы было чернее ночи. От злости его тело лихорадило. Достаточно было малой искры, чтобы завязалась смертельная схватка.

Во двор вошла женщина с криками: «Абдалла! Абдалла!», очевидно, пытаясь отговорить мужчину от поспешных злонамеренных действий. Грозно наорав на женщину, вероятно, жену, Абдалла повернулся к Рахамиму и проскрежетал сквозь зубы:

— Смотри, еврей, я вернусь!

Он резко вышел со двора, за ним выбежала что-то громко причитающая женщина.

Войдя обратно в дом, Рахамим увидел тяжело дышащую бабушку с полуприкрытыми глазами. Она сидела на нимдере, опираясь спиной о беленую стену. Рядом суетились Динара и Азарья с полупустым стаканом воды. Малышка Сипро, закончив плакать, присела в гуфере и наблюдала за происходящим большими карими глазами.

— Мама, клянусь тебе, он не вернется, потому что ничего не было. Сам опозорил своих девочек, что приперся сюда разбираться. Мама, как ты? Еще воды? Лекарство? — взволнованно произносил младший сын, пытаясь успокоить себя и маму.

— Ничего не надо! Так посижу и пройдет.

— Как там Шомоил? — спросил Рахамим у жены.

— Заснул сразу после ужина, — ответила она.

— Разве это мыслимо, разрешать девочкам купаться голыми на реке, да еще под вечер?! Разве раньше такое можно было представить? — возмущался Азарья. — Он не вернется. Ему будет стыдно за свою горячность, мама.

Азарья обеспокоенно смотрел на неподвижную, будто переставшую дышать мать. Коснулся ее лба ладонью: «Не умерла ли?» Погладил по щекам. Женщина вышла из короткого забытья и заплакала:

— До каких пор это будет продолжаться, сыночек?! Точно так же ни за что ни про что ты попал в тюрьму. Лучшие свои годы отдал. Не смог попрощаться с отцом. Не видел материнской ласки столько проклятых лет.

— Насколько я знаю кумыкский, жена его уже все выяснила, потому что просила не позорить девочек, не кричать на все село, — успокаивал маму Азарья. — Никто не придет.

Однако легка на помине. В дверь постучали. Рахамим открыл. У порога стояла та самая кричавшая женщина. На левой скуле у нее была гематома, которую она тщетно прикрывала краешком головного платка. Увидев за молодым человеком сидящую на полу односельчанку, еле сдерживая слезы, женщина разразилась примирительной тирадой на кумыкском языке, после чего Динор сочувственно ей кивнула. Уже пришедшая в себя от треволнений пожилая женщина сказала что-то одобрительное и, в свою очередь, запричитала, не сдерживая слез, очевидно, о незавидной участи своего несчастного сына.

Когда женщина ушла, Динор, опережая возможные вопросы, сказала:

— Всем нам лучше забыть об этой истории, как будто ее не было. А теперь помогите мне встать, пойду лягу в свою постель.

Мужчины помогли Динор встать, и Динара проводила ее в комнату.

Об этой истории старались больше не вспоминать, но неосторожные взгляды односельчан говорили Азарье, что о ней многие знают и относятся к нему с пренебрежительной осторожностью.

Через некоторое время эта презрительность дала о себе знать: сельчане перестали закупать продукцию мастерской, в которой основная руководящая роль, на их взгляд, вроде бы как перешла к чрезмерно предприимчивому из партнеров — Азарье. Дважды ее обворовывали, один раз попытались поджечь. Это происходило в субботние дни, когда в мастерской никого не было.

Изменившееся отношение односельчан, среди которых Динор всегда пользовалась безусловным уважением, сказывалось на ее здоровье. Она все реже выходила из своей спальни.

Азарья, наоборот, стал чаще выезжать в города Темир-Хан-Шуру, Петровск и Дербент в попытке найти клиентов на продукцию своей с Рахамимом мастерской. Его партнер при этом предпочитал оставаться работать на производстве.

В феврале 1913 года, менее чем через три года после возвращения из ссылки, Азарья покинул отчий дом. Перед этим он забрал все имевшиеся в распоряжении партнеров деньги, около двухсот рублей, и выручку, полученную за два месяца в Петровске. Еще через полгода в адрес администрации Маджалиса пришло предписание, что в случае появления в селе Оширова Азарьи бен Пинхаса необходимо немедленно известить об этом областное полицейское управление.

По слухам, став паевым совладельцем одной из рыбопромысловых артелей, в которую он вложился наряду с несколькими русскими компаньонами, Азарья обворовал ее.

Обнаружив крупную недостачу залома в *ледниках*¹ и заподозрив в краже Азарью, эти самые сотоварищи решили утопить его во время ночной ловли. Тем не менее мужчине, которому с детства удавалось надолго задерживать дыхание под водой, удалось ускользнуть. В память об этой рыбалке у него остался глубокий шрам на спине и шее от багра, обрушившегося на него при прощупывании одним из рыбаков толщи воды возле шхуны, с которой тот выпрыгнул, спасаясь от гибели. Как установят значительно позже, от случившегося переохлаждения при этом погружении мужчина, к несчастью, потерял возможность иметь собственное потомство.

Так или иначе, Азарья снова исчез. Матери он дважды посылал весточку, что жив и здоров, просил не волноваться. Во время Гражданской войны пришло письмо, что он пошел добровольцем в бригаду снабжения армии продовольствием, и, мол, все у него хорошо.

Это было последнее сообщение от младшего сына, полученное матерью. В апреле 1915 года она умерла.

¹Лёдник — помещение для складирования скоропортящихся пищевых продуктов, в котором охлаждение производится при помощи льда.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора</i>	5
Пролог	19
Часть 1. Динор	
Глава 1.1. Отец и брат	20
Глава 1.2. Супруг	49
Глава 1.3. Дочь	61
Глава 1.4. Первенец	76
Глава 1.5. Младший сын	86
Глава 1.6. Захарья	92
Глава 1.7. Пропажа	100
Глава 1.8. Потеря	105
Глава 1.9. Маджалисский медник	110
Глава 1.10. Возвращение Азарьи	122
Глава 1.11. Неосторожное купание	130
Глава 1.12. Зоволу	138
Глава 1.13. Солдатская доля	143
Часть 2. Рамбом	
Глава 2.1. Пенуил	150
Глава 2.2. Юбилей Исроила	164
Глава 2.3. Хасан	179
Глава 2.4. Метания фабриканта	185
Глава 2.5. Встреча с шурином	195
Глава 2.6. Вести	209
Глава 2.7. Мамрашская трагедия	217

Глава 2.8. Комиссар	220
Глава 2.9. Шомоил	229
Глава 2.10. Шелковод	235
Глава 2.11. Лошадники	243
Глава 2.12. «Двигательстрой»	253
Глава 2.13. Незнакомец	251
Глава 2.14. Репрессии	259
Часть 3. Зимро	
Глава 3.1. Скорбь	273
Глава 3.2. Приемник	278
Глава 3.3. Дора	289
Глава 3.4. Пинхас	295
Глава 3.5. Роберт	305
Глава 3.6. Успех	311
Глава 3.7. Репутация	317
Глава 3.8. Вызов	322
Глава 3.9. Ерушалаим	329
<i>Список литературы</i>	<i>334</i>

Рахмилов Гемриил Исаевич

РАХАМИМ

Книга 2 серии «Горские евреи»

Издательство

Литературного объединения

горских евреев России

***Текст стихов,
переводы и примечания:***

Гемриил Рахмилов

Главный редактор:

Наталья Ханина

Верстка:

Алексей Чистяков

***Фото на обложке:
«Арочный мост в селе Мад-
жалис»***

**Мурад Магомедов
(marat_magov)**

***Используемый в коллаже
фрагмент картины:***

Рами Меир

Обратная связь с автором:

gemriil@mail.ru

Отпечатано в типографии «Бит-Принт»

Подписано в печать 03.01.2023. Формат 60х90^{1/16}

Бумага офсетная 80^{г/м²}. Гарнитура Times. Печ. л. 19

Тираж 100 экз. Заказ № 5445